
РАЗМЫШЛЕНИЕ НАД КНИГОЙ

После прилива. Рецепция идей Т. Пикетти в современных американских исследованиях капитала и неравенства

Рецензия на книгу: Boushey H., DeLong J.B., Steinbaum M. (eds.) (2017) *After Piketty. The Agenda for Economics and Inequality*, Cambridge, Mass.: Harvard University press.

Д.Ф. ТЕРИН*

*Дмитрий Феликсович Терин – научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН. Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5. E-mail: terin@isras.ru

Цитирование: Терин Д.Ф. (2021) После прилива. Рецепция идей Т. Пикетти в современных американских исследованиях капитала и неравенства // Мир России. Т. 30. № 3. С. 188–201. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-3-188-201

Представленная рецензия посвящена обширной коллективной работе американских ученых под редакцией Х. Буши, Б. Делонга и М. Стейнбаума «После Пикетти», которая в свою очередь почти целиком посвящена другой книге – бестселлеру Тома Пикетти «Капитал в XXI веке». В данной рецензии анализируются лишь некоторые статьи и темы, содержащиеся в книге «После Пикетти». В первых главах основное внимание уделяется концептуализации капитала у Т. Пикетти, которая оказывает влияние на его центральное утверждение о том, что концентрация богатства будет только расти. Последующие разделы рассматривают различные аспекты идей Т. Пикетти о капитале, преимущественно применительно к экономическим и социальным реалиям США. Авторы книги обнаруживают у Т. Пикетти два различающихся подхода к капиталу (модель капитала без институтов и политики и капитала как института, дающего право на политически защищенные права контроля за денежными потоками), определяют капитал как неинклюзивный институт, рассматривают капитализм как правовой режим, обеспечивающий концентрацию богатства в руках немногих, независимо от работы существующих в западных обществах демократических институтов, анализируют роль господствующей идеологии, задаются вопросом о том, выходят ли в действительности идеи Т. Пикетти о капитале столь уж далеко за рамки традиционной политической экономики, исследуют их в контексте существующей современной литературы о «разновидностях капитализма».

Ключевые слова: Тома Пикетти, «Капитал в XXI веке», экономический рост, капитал, концентрация богатства, неравенство, политические институты

Название «После Пикетти» может вызвать удивление, поскольку французский экономист Тома Пикетти¹ является не только нашим современником (он родился в 1971 г.), но и одним из авторов этой книги. В названии отражена очень важная черта этой книги: она почти полностью посвящена другой книге – экономическому бестселлеру Т. Пикетти «Капитал в XXI веке» [Piketty 2014]. Другой важной особенностью является то, что рецензируемая книга написана коллективом, объединяющим более двадцати авторов, преимущественно экономистов и почти исключительно американцев. Это обстоятельство придает ощутимый «американоцентризм» излагаемым научным сюжетам: книгу «После Пикетти», вероятно, можно рассматривать в качестве американского ответа европейской научной традиции, представляемой Т. Пикетти. Хотя большинство авторов являются экономистами (включая двух нобелевских лауреатов), предмет книги ни в коей мере не ограничен только экономической теорией, а выходит на самые широкие обобщения, касающиеся социальных процессов.

Чтобы легче представить задачу, объединившую авторов, нелишним будет вкратце повторить вслед за редакторами Хизер Буши, Дж. Брэдфордом Делонгом и Маршаллом Стейнбаумом² приводимые ими в вводной главе пять центральных утверждений Т. Пикетти, которые задают рамки дискуссии и определяют тематику отдельных разделов книги:

- После Второй мировой войны начинается «социал-демократическая эпоха на глобальном Севере» (ориентировочные даты – 1945–1980 гг.). Общества глобального Севера в этот период – это относительно эгалитарные общества с умеренными различиями в доходах, умеющие удерживать в рамках «притязания богатства на то, чтобы управлять политическими процессами» [Boushey, DeLong, Steinbaum 2017, p. 13].
- Эта ситуация была нестабильной исторической аномалией, возникшей в результате двух мировых войн, разрушавших капитал.
- До Первой мировой войны капитализм в Европе и Северной Америке во многих отношениях был иным. В этот период, именуемый в Европе Прекрасной эпохой (фр. – *Belle Époque*), а в США – Позолоченным веком (англ. – *Gilded Age*), различия между людьми в доходах и богатстве были максимальными. Этому неравенству в экономической сфере в политике соответствовал контроль над политическими процессами со стороны собственников огромных состояний, особенно унаследованных.
- К настоящему моменту (начало XXI в.) концентрация богатства почти вернулась к своим пиковым значениям начала XX в., однако, в отличие от ситуации столетней давности, в XXI в. для наиболее обеспеченного процента граждан большая часть дохода является доходом от их труда, а не от капитала. Несмотря на это важное различие, неравенство в доходе на капитал с 2000 г. быстро растет, а неравенство в трудовом доходе остается относительно постоянным.

¹ Thomas Piketty.

² Heather Boushey, James Bradford DeLong, Marshall Steinbaum.

- Таким образом, общества глобального Севера движутся ко второму Позолоченному веку – с тем же уровнем неравенства и, предположительно, с той же высокой степенью влияния унаследованного богатства на политические процессы [Boushey, DeLong, Steinbaum 2017, pp. 13–14].

Следует отметить, что одним из важных утверждений в книге Т. Пикетти «Капитал в XXI веке» является прогноз о том, что общества обозримого будущего будут обществами с низким экономическим ростом, где богатство, накопленное в прошлом, приобретает высокую значимость: если доходность капитала превышает показатели роста (в труде Т. Пикетти это отношение обозначено формулой $r > g$), на капитал будет приходиться большая доля производимого общественного продукта, чем на труд – это и есть тот механизм, который, по мысли Т. Пикетти, обеспечит воплощение в реальность его прогнозов. Один из трех редакторов рецензируемой книги Хизер Буши³ вспоминает в связи с этим прогнозом популярный американский политический афоризм: «Рост – это прилив, который поднимает все лодки», – оптимистическую метафору родом из минувшего века. Пессимистический взгляд на перспективы неравенства, представителем которого редактор считает Т. Пикетти, состоит, однако, даже не в том, что прилив, может быть, выше всего поднимает самые большие суда и топит маленькие лодки, а в том, что прилив, возможно, закончился, а экономический подъем второй половины XX в., в наследство от которого нам достались оптимистические афоризмы, мог быть исключительным событием, хронологически полностью уложившимся в границы закончившегося в Западной Европе и Северной Америке индустриального века.

Книгу открывают авторитетные высказывания двух нобелевских лауреатов по экономике, которые разделяют позицию Т. Пикетти. Роберт Солоу⁴ в своем коротком апологетическом тексте, озаглавленном просто «Тома Пикетти прав», пишет: «Арифметика подразумевает, что концентрация богатства и ее способность к росту будут способствовать увеличению весомости наследства по сравнению с талантом» [Boushey, DeLong, Steinbaum 2017, p. 63]. Другой нобелевский лауреат Пол Кругман⁵ в главе «Почему мы живем в новом Позолоченном веке» отмечает, что темпы роста значительно сократились, при этом норма прибыли на капитал сократилась незначительно. Почти все экономические модели, продолжает далее П. Кругман, говорят о том, что норма прибыли также должна упасть, но Т. Пикетти утверждает, что она сокращается меньше и отношение накопленного капитала и национального дохода неизбежно будет продолжать расти. Это будет верно в том случае, если труд легко можно заменить капиталом, материализованным, например, в машинах, или – говоря более специальным языком – если замещение между капиталом и трудом превышает единицу.

Этот центральный аспект экономической модели Т. Пикетти рассматривает и ставит под сомнение экономист Девеш Равал⁶ в главе «Что не так с капиталом в модели “Капитала в XXI веке”». Если оценка Т. Пикетти неверна, то тогда капитал не будет расти быстрее, чем труд, и доля капитала не будет увеличиваться.

³ Heather Boushey.

⁴ Robert M. Solow.

⁵ Paul Krugman.

⁶ Devesh Raval.

Д. Равал полагает, что на оценки эластичности замещения в сторону уменьшения влияют технологические изменения, которые модель Т. Пикетти не учитывает, а при их учете она снижается до 0,6. Д. Равал также дезавуирует предлагаемую Т. Пикетти меру – глобальный налог на капитал. Обоснованность этой меры зависит от обоснованности оценок эластичности: если эластичность ниже единицы, налог на капитал, наоборот, фактически увеличит долю капитала; и напротив, снижение налога в этом случае способствовало бы сокращению доли капитала и уменьшению уровня неравенства за счет увеличения выпуска.

Обобщая большой объем литературы по этому вопросу, Д. Равал иллюстрирует свой вывод простой и, на первый взгляд, убедительной диаграммой, на которой сорок один кружок (41 оценка в различных источниках эластичности замещения) находятся между 0 и 1, еще четыре кружка располагаются около 1, и только одинокий кружок – медиана из оценок Т. Пикетти – размещается около 2. Эта картинка должна напомнить читателю о неконвенциональности тезиса Т. Пикетти, который стоит за этой его оценкой. Несмотря на то, что оценка Т. Пикетти, в отличие от большинства остальных, является долгосрочной и потому вряд ли сопоставимой с остальными, это первая существенная претензия к пониманию Т. Пикетти капитала, она обращена к самому центральному факту «Капитала в XXI веке» – свойству капитала на протяжении исторически длительного времени сохранять высокую норму прибыли независимо от других факторов. Если это предположение неверно, то неопровержимому факту нарастания имущественного неравенства и происходящей концентрации богатства в развитых странах в последние десятилетия следует искать иные объяснения, не обращаясь к пикеттиевской «константной» норме прибыли.

Альтернативные объяснения прогрессирующего имущественного неравенства: человеческий капитал, развитие технологий, демографические перемены

В своей книге «Капитал в XXI веке» Т. Пикетти определяет объект своего исследования как стоимость, свободно обмениваемую на рынках на другие стоимости, что сразу выводит за границы рассмотрения капитала так называемый человеческий капитал. Между тем «мейнстримным» в экономической науке считается обозначение капитала как любого ресурса, способного оказывать влияние на будущие доходы, в т. ч. ресурса человеческого качеств⁷. Почти конвенциональная для экономистов идея человеческого капитала выступает в роли доминирующей парадигмы в экономических исследованиях, посвященных связи трудовых доходов и неравенства в современном мире, где уровни трудового вознаграждения различаются значительно сильнее, чем в любую другую эпоху. Именно неравенство в трудовых доходах особенно увеличилось в последние десятилетия. Резкий рост трудовых (или по форме трудовых) доходов «работающих богатых», руководителей корпораций, характерный особенно для США, даже получил в литературе название «революции топ-менеджеров».

⁷ Такое понимание, в частности, принято в популярной модели человеческого капитала Т. Шульца – Г. Беккера.

Капитал, который является обмениваемой стоимостью, никак не связан с человеческими качествами владельца капитала и его поведением; для извлечения дохода его владельцу достаточно рутинной работы институтов. Человеческий капитал, не приносящий дохода без трудовых усилий человека, неразрывно связан с трудовой деятельностью, его владелец обречен на постоянное подтверждение того, что он обладает заявленными ценными навыками, и потому, кажется, резоннее рассматривать его в связи с качеством трудового фактора. Определение капитала, принятое Т. Пикетти, видимо, облегчает его собственную исследовательскую задачу, но порождает дополнительные вопросы у его комментаторов, в частности, авторов рассматриваемой в этой рецензии книги. Экономист Эрик Нильсен⁸ критикует Т. Пикетти с точки зрения парадигмы человеческого капитала; он посвящает много страниц защите идеи человеческого капитала от не близкой ему точки зрения на природу и место в экономической теории ценных навыков и выражает разочарование ориентацией «Капитала в XXI веке» на спорную и вызывающую разногласия политическую программу. В частности, он приводит данные американских исследований об успехах программ инвестиций в раннее детство в США в 1960–1970-х гг., направленных на детей из малообеспеченных семей и представителей расовых меньшинств. Проведенные годы спустя исследования показали значительную отдачу от этих мероприятий, которую предположительно можно квалифицировать как капитальный доход. И хотя, как отмечает Э. Нильсен, последующие эксперименты таких успехов не имели, все же этот пример призван показать, что теоретическая схема Т. Пикетти не позволяет учитывать существующие значительные объемы капитала в его «человеческой» форме.

Это различие в определении капитала разделяет не только парадигмы экономического знания, но, как нам кажется, имеет ключевое значение для всей дискуссии о неравенстве. В теории Т. Пикетти капитал обладает важнейшим свойством со временем все более и более концентрироваться в руках немногих владельцев, и эта тяжесть, вызывающая непрерывный рост не только нерационального, но и несправедливого неравенства, в конечном итоге тормозит общественное развитие. «Человеческий капитал», который, как признают критики Т. Пикетти, все же не капитал в своем сущностном смысле, представляет собой сумму полезных овеществленных навыков, оживляемых в процессе человеческой трудовой деятельности. Эти два явления, можно сказать, противостоят друг другу как мертвое и живое. Неравенство, порождаемое капиталом, растущим безо всякого человеческого вклада и участия, несправедливо; неравенство, которое порождает «человеческий капитал», трудно было бы объявить несправедливым. Принятие той или иной теоретической позиции относительно «человеческого капитала», таким образом, представляется связанным с некоторыми дотеоретическими предпосылками.

Другим рассматриваемым в рецензируемой книге явлением, которое могло бы дать альтернативное объяснение наблюдаемому росту имущественного неравенства, является влияние технологий. Предлагающие такое альтернативное объяснение экономисты Лора Тайсон и Майкл Спенс⁹ также начинают с определения капитала у Т. Пикетти, а точнее – с его определения ренты. Т. Пикетти, пишут

⁸ Eric R. Nielsen.

⁹ Laura Tyson, Michael Spence.

Л. Тайсон и М. Спенс, не использует определения ренты как возврата сверх того, что приходится на фактор производства в условиях совершенной конкуренции; вместо этого он определяет ренту как доход на капитал, независимо от формы этого дохода. Таким образом, понятие ренты у Т. Пикетти, пишут авторы, совсем не связано с несовершенной конкуренцией, и такой подход оставляет за пределами анализа Т. Пикетти важный факт: развитие технологий часто создает несовершенства рынка, которые в свою очередь порождают значительную ренту в этом узком смысле как продукт работы рынков несовершенной конкуренции. Речь в данном случае идет, прежде всего, о сверхвысоких заработках «суперменеджеров» в США и о том, какая теория могла бы лучше их объяснить. Как пишет Т. Пикетти в «Капитале в XXI веке», хорошим объяснением являются институциональные практики в таких областях, как вознаграждение управленцев, корпоративное управление, социальные нормы и налоговая политика. В США разница в трудовых доходах нижнего и верхнего квинтиля составляет 8,4 против 4,3 в Германии, и поскольку все развитые страны имеют открытую экономику и подвержены воздействию одних и тех же глобальных рыночных сил и технологических изменений, то эти общие условия не могут объяснить наблюдаемую разницу, и объяснить ее может только различие институциональных систем в разных странах, например, переговорная сила профсоюзов и перечисленные выше социальные нормы. Цитируемый авторами нобелевский лауреат Роберт Солоу, в частности, полагает, что большая часть того, что регистрируется как трудовой доход верхнего (по доходам) 1% населения США, на самом деле является доходом на капитал, если в капитал включать нематериальные активы (такие как патентное право и т. п.). Л. Тайсон и М. Спенс согласны с ним в том, что формально трудовой доход в этом случае является рентой, но утверждают, что значительная часть этого дохода представляет отдачу от технологий. В качестве аргумента, подтверждающего тезис о том, что именно фактор технологических изменений влияет на эту ситуацию, Л. Тайсон и М. Спенс приводят пример исследования связи вознаграждения топ-менеджеров и использования информационных технологий: масштабное внедрение информационных технологий вызывает эффект, именуемый «дезинтермедияция» – сокращение слоев управленцев среднего звена, занимающихся контролем (супервайзеров), чьи функции переходят к топ-менеджерам, что повышает их эффективность и выражается в их вознаграждении. Рента (в использованном узком смысле слова) образуется, поскольку плодами технологического развития в данном случае имеют возможность пользоваться лишь топ-менеджеры, обладающие структурной властью, однако вклад этого явления в общий процесс концентрации богатства вряд ли может быть однозначно оценен.

Еще одно возможное объяснение росту неравенства, по мнению некоторых авторов книги, подсказывает демография: демографический фактор может влиять на концентрацию богатства, в частности, через институт завещания. Экономисты Мариакристина Де Нарди, Джулио Фелла и Фан Ян¹⁰ в своей главе приводят собранные в экономической литературе данные о значительной мобильности богатства, мобильности, происходящей от периодических шоков, экономических и политических потрясений, оказывающих влияние на динамику богатства обеспеченных семей. По мнению этих авторов, такие шоки весьма сильно и негативно

¹⁰ Mariacristina De Nardi, Giulio Fella, Fang Yang.

влиять на процесс концентрации богатства в семьях на больших временных отрезках, и это означает, что следует искать иное, чем у Т. Пикетти, объяснение тому, почему концентрация богатства в руках немногих все-таки происходит. М. Де Нарди и ее коллеги много лет изучают завещания, передачу богатства от одного поколения семьи другому. В своей главе они представляют количественную модель неравенства богатства, с помощью которой пытаются проверить гипотезу Т. Пикетти о том, что для этого неравенства имеет значение только разница между средней чистой нормой прибыли на богатство и скоростью роста ВВП. Полученные ими результаты, с одной стороны, подтверждают тезис Т. Пикетти в «Капитале в XXI веке» о том, что роль процентной ставки (отдачи на капитал) связана с высоким отношением богатство/доход и ростом доли капитала по отношению к трудовому доходу. С другой стороны, «более высокая процентная ставка увеличивает долю богатства, принадлежащего верхнему 1 проценту, лишь незначительно и фактически снижает концентрацию богатства в верхних 20 процентах» [Boushey, DeLong, Steinbaum 2017, p. 371]. М. Де Нарди и ее соавторы приходят к выводу о том, что норма прибыли на капитал и темпы роста населения не являются равнозначными действующими факторами в отношении концентрации богатства: норма прибыли оказывает меньшее влияние на концентрацию богатства сравнительно с изменением темпов прироста населения. Население, которое растет медленно или совсем не растет (а именно таково в демографическом отношении в настоящее время население стран Запада), характеризуется более высоким средним размером завещаемого имущества. Этот эффект, пишут исследователи, оказывает значительное влияние на концентрацию богатства «наверху».

Два капитала: экономическая модель с заданными параметрами vs капитал как институт

Интересное различие, касающееся теоретических построений Т. Пикетти, делает в своей главе книги экономист Суреш Найду¹¹. Автор развивает метафору двух разных Т. Пикетти: «домашнего» и «дикого». Первый представляет собой «мейн-стримного» экономиста, использующего конвенциональный метод экономической модели с заданными параметрами (конкурентные рынки, эластичность замещения между трудом и капиталом, превышающая единицу, стохастические и гетерогенные нормы сбережения и т. д.), из которой следуют поддающиеся проверке прогнозы и рационально обоснованные решения (налог на капитал); «домашний» Пикетти свободен от институтов и политики. С другой стороны, в тех же или иных текстах присутствует «дикий» Пикетти, предлагающий перспективу, которая «рассматривает экономику через призму, в которой капитал является алхимией сегодняшнего дохода, превращенного в надежные ожидания будущих доходов, которые затем покупаются и продаются на рынках активов. С этой точки зрения институты корпоративного управления, финансовые фирмы, институты рынка труда и политическое влияние выполняют большую часть работы по определению, как отношения богатство/годовой доход, так и распределения богатства». С этой точки зрения, пишет

¹¹ Suresh Naidu.

С. Найду, капитал представляет собой «совокупность имущественных прав, дающих носителям право на политически защищенные права контроля, исключения, передачи и наследования денежного потока» [Boushey, DeLong, Steinbaum 2017, p. 114]. «Дикость», таким образом, в данном случае состоит по большей части в определенной методологической неконвенциональности, отходе от метода экономической модели с ограниченным количеством допущений в сторону институциональных объяснений, но, возможно, также отчасти – и в пугающих «мейнстримных» экономистов выводах и следствиях. Сам Т. Пикетти в своем завершающем ответном слове в этой книге определяет это найденное С. Найду различие между своими «домашним» и «диким» модусами как различие между двумя формами нарратива о капитале: капитал, как он понимается в неоклассической экономической модели («домашний»), и «дикий», подчеркивающий работу властных институтов, политические конфликты и т. п., и отмечает, что он ощущает себя гораздо ближе к «дикой» интерпретации [Boushey, DeLong, Steinbaum 2017, p. 579].

С. Найду также чувствует себя ближе к «дикой» интерпретации и задается, по его собственным словам, целью дописать «пропущенные» Т. Пикетти в «Капитале в XXI веке» главы о капитале. В частности, он старается установить, какие именно институты (помимо политических, институты «внутри» рыночной экономики) усложняют картину того, чем на самом деле является капитал. В результате продолжительного разбирательства исследователь приходит к выводу, что отношение капитала и национального дохода и разделение дохода между капиталом и трудом в значительной степени определяются переговорами, монополией и другими подобными институциональными формами, которые делают возможным политический контроль над будущим, и в том числе над будущим доходом. Это можно считать ответом на вопрос, который в различных формулировках неоднократно задается в этой книге самими авторами: почему высокая степень неравенства богатства в обществе должна также подразумевать неравенство в политической власти?

Почему всеобщего избирательного права недостаточно: современный капитал и другие политические институты

В заключительном разделе книги рассматриваются преимущественно различные аспекты «дикого» капитала, капитала – общественного отношения, выходящего далеко за пределы роли одного из производственных факторов, какую он играет в неоклассических экономических моделях. Это парадигмальное согласие некоторых авторов книги с Т. Пикетти не означает, что у них отсутствует собственное видение причин и особенностей протекания процессов. Экономист Маршалл Стейнбаум¹², уточняя Т. Пикетти, пишет в главе, посвященной становлению социал-демократии, что в отношении, связывающем доходность капитала и рост, величины r и g расходятся потому, что «идеологические обязательства капитализма запрещают политику, которая противодействовала бы этому» [Boushey, DeLong, Steinbaum 2017, p. 477]. По мнению М. Стейнбаума, на уникальную в XX в. динамику неравенства в капитале повлияло не само по себе физическое разрушение

¹² Marshall I. Steinbaum.

капитальных активов мировыми войнами, а произошедшая в результате войн и сопутствующего хаоса дискредитация такой политической идеологии капитализма, которая, возможно, была причиной этих войн. Здесь читателю книги может показаться, что заочная дискуссия авторов книги с Т. Пикетти временами представляет собой спор идеалистов с материалистом, если воспользоваться терминологией, популярной в XX в.

М. Стейнбаум провел по четырем ведущим странам капитализма тщательный исторический анализ того, как господствовавшая идеология, обосновывающая неравенство, начиная со второй половины XIX в. и затем в XX в. уступала место новой, социал-демократической. При этом классовые конфликты континентального масштаба описываются автором без использования определений «класс», «классовый», и, может быть, поэтому этот исторический анализ кажется все же недостаточным.

В своей главе М. Стейнбаум неоднократно пишет о мощи рабочих профсоюзов в первой половине XX в. и об их значительной переговорной силе. Эти сильные профсоюзы существовали уже в эпоху всеобщего избирательного права, но, что кажется более важным, они существовали в индустриальную эпоху. Легко заметить, что переговорная сила организаций, защищавших позиции массовых страт наемных работников индустриального века, почти исчезает как сила примерно тогда, когда индустриальный век в странах Запада завершается. В изменившихся обществах можно видеть несколько изменившиеся классы и обновленные институциональные системы, а также то, что сильные переговорные позиции, некогда завоеванные европейским промышленным пролетариатом, не были в полной мере унаследованы существующими сейчас, в XXI в., массовыми группами наемных работников постиндустриального общества.

Но почему всеобщего избирательного права недостаточно для того, чтобы избежать крайне высокой степени доходного и имущественного неравенства, притом что большинством общества такая ситуация воспринимается как несправедливая? Почему существующей и работающей демократической процедуры оказывается для этого недостаточно? Этим вопросом в книге задается философ права Дэвид Сингх Гревал¹³, заявляющий задачей своей главы рассмотрение капитализма как правового режима. Если оставаться в пределах логики, объединяющей тексты, составляющие эту книгу, то самый общий ответ на эти вопросы, вероятно, мог бы быть таким: потому что капитал является более фундаментальным социальным отношением, чем избирательное право. Тогда заявленная автором задача означала бы необходимость установить, каким образом это фундаментальное социальное отношение конституировано, утверждено в правовых системах современных государств. В названии своей главы *The Legal Constitution of Capitalism* Д.С. Гревал использует многозначный термин *legal constitution*, который может пониматься как в более общем смысле – как правовое регулирование чего-либо, так и более специально – как примат юридического над политическим. Д.С. Гревал утверждает, что за всеми писанными конституциями государств западного мира можно различить присутствие более общей юридической формы, некоторой организации государственной власти, которая легитимирует и укрепляет правовую основу коммерческого общества. Именно эту форму автор называет «конституцией капитализма»

¹³ David Singh Grewal.

[Boushey, DeLong, Steinbaum 2017, pp. 513–514]. Д.С. Гревал подробно рассматривает становление этой «конституции», отталкиваясь от двух известных различий: «публичное – частное» и «суверен – правительство», – особенно от второго. Правовой режим капитализма ратифицирован народом-сувереном, в то время как непосредственное администрирование не находится под постоянным контролем с его стороны. Поэтому, приходит к выводу Д.С. Гревал, прямое правление народа-суверена ограничено исключительными моментами, разделение на суверена и правительство и весь порождаемый капиталом институциональный режим стоят между народом-сувереном и теми практическими решениями, которые могли бы эффективно противостоять усиливающемуся имущественному неравенству. В изложении Д.С. Гревала вся существующая экономическая жизнь порождается как «эманация коммерческой социальности», как продукт работы институтов современного правового государства, которые воспроизводят право собственности в самом широком смысле – как всестороннюю защиту интересов владельцев капитальных активов.

В свою очередь Т. Пикетти (в качестве одного из авторов книги) отвечает Д.С. Гревалу, добавляя в своей завершающей главе к понятию «конституции капитализма» некоторую институциональную конкретику и перечисляя списком многочисленные институциональные формы, находящиеся между правовой системой и режимами неравенства: образовательные учреждения, фискальные учреждения, социальное государство в широком смысле слова, монетарные режимы, центральные банки, инфляцию, трудовое законодательство, минимальную заработную плату и коллективные переговоры, национализацию, экспроприацию и приватизацию, рабство и принудительный труд (существовали в относительно недавнем прошлом), корпоративное управление, регулирование ренты, финансовое дерегулирование, торговую и миграционную политику, регулирование наследования, демографическую и семейную политику и др. [Boushey, DeLong, Steinbaum 2017, pp. 572–573].

Хотя, как уже было сказано выше, книга в значительной степени фокусируется на американских реалиях, часть авторов исследует также глобальную перспективу. В этом отношении интересна глава, написанная экономистом Эллой Дарнонкортом¹⁴, которая рассматривает институциональные различия и неравенство в глобальной перспективе в связи с богатством богатых стран и бедностью бедных. Э. Дарнонкорт использует простую типологию институтов Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона [Robinson, Acemoglu 2012]. Они делят институциональные системы на два типа: инклюзивные, характеризующиеся допуском большинства граждан к экономическим отношениям и принятию политических решений, и экстрактивные, исключающие для большинства такие возможности. Э. Дарнонкорт приходит к выводу, что в долгосрочной перспективе первоначальные различия в обеспеченности капиталом разных стран имеют ограниченную объяснительную силу для понимания нынешнего глобального неравенства, поскольку потрясения, подобные мировым войнам XX в., регулярно уничтожают капитал. Сравнительно лучшую объяснительную силу, по ее мнению, имеет различие институциональных систем, в частности, характерные для большинства бывших колониальных стран экстрактивные институты, которые создавались странами-метрополиями в колониях с целью изъятия их ресурсов. О важности демократического начала, прозрачности и иных качеств институтов, которые позволяют определять их как инклюзивные,

¹⁴ Ellora Derenoncourt.

напоминает и Т. Пикетти в финальной главе книги. Но сюжет, объединяющий все едино написанные разными авторами о разных вещах главы рецензируемой книги, – это сюжет о том, что существующего качества демократических институтов западных обществ в настоящее время очевидным образом не хватает для предотвращения дальнейшей концентрации общественного богатства в руках сверхбогатых граждан этих обществ. Очевидно, общества «нового капитализма» устроены сложнее, чем предлагает дихотомическая схема, используемая Э. Дарнонкортом.

Обращение к концепту инклюзивного института в контексте проблематики неравенства дает возможность еще одним способом сформулировать главный вопрос книги: если существующие институты современных западных обществ инклюзивны, т. е. они поддаются контролю со стороны большинства общества, если они эффективны и справедливы, почему в этих обществах существует такое, по-видимому, несправедливое явление, как прогрессирующая концентрация богатства в руках немногих? Тексты книги содержат и правдоподобный ответ на него: потому что фундаментальный правовой и экономический макроинститут этих обществ, капитал, который, согласно определению Т. Пикетти на страницах этой книги, есть «сложная, многомерная совокупность отношений собственности» [Boushey, DeLong, Steinbaum 2017, p. 574], не является инклюзивным.

Единственный автор, представленный в редакторском предисловии в качестве социолога, Элизабет Джейкобс¹⁵, задается другим, но тесно связанным с этим вопросом. Возвращаясь к формуле $r > g$, она спрашивает: как фундаментальная сила, выраженная в формуле, может создавать неравенство, если неравенство управляется политическими механизмами? В самом деле, логически непросто соединить этот начальный пункт размышлений Т. Пикетти, представленный в качестве объективного «закона», и его веру в совещательную демократию, т. е. в возможность преодолеть силу этого «закона» при помощи критической дискуссии и политических решений. Если объективный «закон» имеет силу только потому, что таковы существующие политические и экономические институты капитализма, а институты являются системами правил или предписанных ролей, которые воспроизводятся в ходе человеческой деятельности и обмена, то почему же, даже осознав проблему несправедливого неравенства, людям, по-видимому, не удастся изменить правила и переделать институты?

Политика в «Капитале в XXI веке» находится «везде и нигде», утверждает Э. Джейкобс. Эта претензия от социолога – претензия совсем иного рода, чем те, что обращали к Т. Пикетти его коллеги-экономисты. Как это видится социологу: при всем своем радикализме Т. Пикетти остается внутри рамок вполне традиционной политэкономии, в которой политическое занимает подчиненное положение относительно экономики, капитализм автоматически порождает экономическое неравенство, а роль институтов не рассматривается систематически. Поворот к сравнительному институционализму и появление богатой литературы о «разновидностях капитализма», о роли, в частности неформальных институтов, укорененных в культуре, как пишет Э. Джейкобс, происходят в политической науке с начала 2000-х гг., но они, по-видимому, проигнорированы Т. Пикетти. Важные различия в институциональных системах ускользают, если сосредотачиваться на поиске общих законов

¹⁵ Elisabeth Jacobs.

капитализма¹⁶. У экономиста Т. Пикетти отсутствует систематический анализ отношений между гражданским обществом и государством, который мог бы дать ответ на вопрос, как неравенство в богатстве превращается в неравенство во власти.

Э. Джейкобс представляет пространственный обзор работ, посвященных различным аспектам неравенства в США, и делает выводы о механизме, связывающем экономическое и политическое неравенство в этой стране. Политика порождает экономическое неравенство многими путями: так, упадок профсоюзов в США повлиял на политику, а та в свою очередь – на рост неравенства, а экономическое неравенство создает угрозу работе демократических институтов. Экономическое и политическое неравенство составляют цикл обратной связи, пишет Э. Джейкобс, и разрыв этого цикла потребует и политических реформ, и разумного обоснования экономической политики.

В небольшой рецензии трудно охватить множество тем и смыслов большой книги, у которой более двух десятков авторов. Завершающая глава книги, названной редакторами «После Пикетти», написана самим Тома Пикетти в жанре ответного слова. Он признает, что одним из главных недостатков его книги «Капитал в XXI веке» является отсутствие в ней анализа того, как институты, институциональные изменения влияют на динамику неравенства. И его ответ в своей содержательной части также посвящен институтам, а именно предлагаемому им институту глобального налога на капитал. Финансовая прозрачность в осуществлении гипотетического глобального налога на капитал, как он надеется, может стать ключевым фактором демократической реапроприации капитализма, освобождением демократии как принципа и процедуры от ее «присвоения» капитализмом. Т. Пикетти высказывает надежду, что предлагаемая им мера, всемирный налог на капитал, повлияет на развитие форм собственности, преобразовав, демократизировав крупную частную собственность «в социал-демократическом ключе», превратив ее во временную собственность, и сыграет роль, аналогичную аграрным реформам, которые в разных странах в свое время также преобразовывали капитал из устаревшей земельной формы в другие, более прогрессивные на тот момент. Книга, имеющая подзаголовок «Повестка для экономической теории и неравенства», таким образом, завершается не только агендой будущих научных изысканий, но и пунктами программы будущих социальных и политических реформ.

Литература

- Acemoglu D., Robinson J. (2005) The Rise and Decline of General Laws of Capitalism // Journal of Economic Perspectives, vol. 29, no 1, pp. 3–28. DOI: 10.1257/jep.29.1.3
- Boushey H., DeLong J.B., Steinbaum M. (eds.) (2017) After Piketty. The Agenda for Economics and Inequality, Cambridge, Mass.: Harvard University press.
- Piketty T. (2014) Capital in the Twenty-First Century, Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press.
- Robinson J.A., Acemoglu D. (2012) Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity and Poverty, London: Profile.

¹⁶ Э. Джейкобс указывает, что в этом тезисе она солидаризируется с мнением Д. Аджемоглу и Д. Робинсона [Acemoglu, Robinson 2005].

After the Rising Tide: Reception of Piketty's Concepts in Contemporary US Studies of Capital and Inequality

Book review: Boushey H., DeLong J.B., Steinbaum M. (eds.) (2017)

After Piketty. The Agenda for Economics and Inequality, Cambridge, Mass.: Harvard University press.

D. TERIN*

*Dmitriy Terin – Researcher, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Address: bldg, 5, 24/35, Krzhizhanovskogo St., Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: terin@isras.ru

Citation: Terin D. (2021) After the Rising Tide: Reception of Piketty's Concepts in Contemporary US Studies of Capital and Inequality. *Mir Rossii*, vol. 30, no 3, pp. 188–201 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-3-188-201

Abstract

In this article, I review several papers and topics featured in “After Piketty”, the voluminous collective work of the American scholars engaging with Thomas Piketty’s bestseller “Capital in the 21st Century”. The first chapters of the book focus on Piketty’s conceptualization of capital and his central argument that the concentration of wealth will continue to rise. Solow and Krugman agree with Piketty’s arguments, but Raval questions the estimates of the elasticity of substitution between capital and labor. Two sections of the book contain alternative explanations for the rising inequality: human capital, technological development, and demographic changes. Nielsen argues that Piketty’s concept of capital neglects human capital, and this strongly affects all of his conclusions and forecasts. Tyson and Spence draw attention to Piketty’s concept of rent and investigate the influence of technology on the concentration of wealth. De Nardi, Fella, and Yang consider the institution of bequest and the wealth transmission from one generation to another. Their model shows that a lower population growth rate plays a more significant role in the concentration of wealth. Naidu uses the metaphor of two “Pikettys” (the “domesticated” and the “wild”) to describe Piketty’s approaches to capital: an institution-and-politics free model of capital, and capital as an institution, “a set of property rights entitling bearers to politically protected rights of control, exclusion, transfer, and derived cash flow”.

Why are existing democratic processes not sufficient to avoid the concentration of wealth in the hands of a few? This question is posed by the legal philosopher Grewal, who claims that the task of his chapter is to consider capitalism as a legal regime. In Grewal’s description, all existing economic life is generated as an “emanation of commercial sociability”, a product of modern legal state institutions which reproduce property rights as a comprehensive protection of the interests of owners of capital assets. Steinbaum presents a thorough historical analysis of the four leading countries of capitalism of how the dominant inequality legitimizing ideology gave way to social-democratic ideology. Deroncourt looks at institutional differences and inequality from

a global perspective. She introduces Acemoglu and Robinson's typology of institutions, which divide institutional systems into inclusive and non-inclusive, and extractive, but she does not conclude that the observed concentration of wealth can be interpreted in such a way that capital in this typology should be classified as a non-inclusive institution. Jacobs argues that Piketty remains within the framework of traditional political economy, in which the political takes a subordinate position relative to the economic, and the role of institutions is not considered systematically. According to Jacobs, the turn to comparative institutionalism and the emergence of a rich literature on "the varieties of capitalism" (and, in particular, on the role of informal institutions) since the early 2000s seem to have been ignored by Piketty. Piketty does not make a systematic analysis of the relationship between civil society and the state, which could provide an answer to the question of how wealth inequality turns into power inequality.

Keywords: Thomas Piketty, "Capital in the Twenty-First Century", economic growth, capital, concentration of wealth, inequality, political institutions

References

- Acemoglu D., Robinson J. (2005) The Rise and Decline of General Laws of Capitalism. *Journal of Economic Perspectives*, vol. 29, no 1, pp. 3–28. DOI: 10.1257/jep.29.1.3
- Boushey H., DeLong J.B., Steinbaum M. (eds.) (2017) *After Piketty. The Agenda for Economics and Inequality*, Cambridge, Mass.: Harvard University press.
- Piketty T. (2014) *Capital in the Twenty-First Century*, Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press.
- Robinson J.A., Acemoglu D. (2012) *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity and Poverty*, London: Profile.